

ПЕРЕВОДЫ ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКИ

Карл ЯСПЕРС (1883–1969)

Немецкий философ-экзистенциалист.

Кирилл ГОЛИКОВ

(перевод, комментарии и примечания)

Аспирант сектора истории антропологических учений.

Институт философии РАН.

109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;

e-mail: golikovk@gmail.com

ПСИХОЛОГИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ (ПЕРЕВОД С НЕМ., КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ *КИРИЛЛА ГОЛИКОВА*)*

В данной статье приводится авторский перевод отрывков из ранее не издававшейся на русский язык работы «Психология мировоззрений» немецкого мыслителя

---

* Выборочный перевод выполнен по изданию: *Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen.* Berlin, Heidelberg: Springer, 1960. 486 S.

Карла Ясперса. Представленные отрывки подбирались с целью проиллюстрировать основные размышления философа и психиатра относительно метафоры раковины, введённой для описания ригидной мировоззренческой позиции, в которой люди находят опору и укрытие от уязвимости и неопределённости окружающего мира, но одновременно за эту мнимую стабильность и определённую расплачиваются потерей витальности и интенсивности в проживании собственной жизни. Как показывает Ясперс, «раковина» антиномична по своей природе, и связанные с антиномиями внутренние мировоззренческие противоречия решаются на психологическом уровне (существования, экзистенции) в ходе переплавки раковины, а не чисто формально-логическим образом (с позиции разума). Перевод сопровождается авторскими комментариями и размышлениями на тему.

Ключевые слова: экзистенциализм, Карл Ясперс, личный мир, мировоззрение, метафора раковины, экзистенциальный наблюдатель, открытость человеческой природы, психологическое наблюдение, нигилизм, рациональное

I. Истоки психологии мировоззрений¹

Что действительно заставляет нас задуматься, так это столкновение с опытом изменения нашего мировоззрения. Мы получаем такой опыт вследствие наших действий и размышлений, в результате столкновения с реальностью, которая на самом деле почти всегда оказывается не такой, как мы её себе представляли; при духовном слиянии с личностями, с которыми мы сближаемся и с которыми мы затем расстаёмся, или когда входим в жёстко фиксированные отношения; не просто через холодные, созерцательные, научные размышления, но через размышления, проистекающие из опыта проживания; видя реальность с точек зрения, в которых обнаруживается наше живое присутствие и которые мы принимаем за свои собственные. Мы замечаем противоречия в себе, в своём отношении к людям, к миру, потому что наши изначально незамеченные бытие, воля и склонности — это нечто иное, нежели то, к чему мы сознательно стремимся. Наш мировоззренческий опыт — это непрерывный процесс изменений, происходящий до тех пор, пока мы продолжаем получать жизненный опыт. Когда мы воспринимаем мир, реальность, цели как нечто фиксированное и само собой разумеющееся, это означает, что мы либо пока вообще не имеем мировоззренческого опыта, либо оказались в некотором подобии раковины и перестали получать хоть какой-либо опыт. В обоих случаях нас больше ничего не удивляет; тогда есть только отвержение или признание, нет преданности или принятия; нет больше проблем, мир фиксирован в хорошем и плохом, истинном и ложном, расколот на правильное и неправильное; всё есть вопрос закона (некоторого

¹ В данном подразделе нам впервые встречается упоминание мировоззренческой раковины как структуры, возникающей, когда человек опирается на завершённые идеологические, теоретические системы и догмы в поисках безопасности вместо сохранения открытости к жизни.

предустановления. — К.Г.), и всё понятно, а ещё всё есть вопрос силы. И это не представляет интереса для психологии мировоззрений, разве что может быть интересным для психологии заблуждений, искажений, психологии иных, чужих, враждебных людей. Напротив, через живой опыт мы позволяем своему Я расширяться, «расплыться», а затем вернуться к себе. В этом живое биение жизни: распространение и сужение, самоотдача и самосохранение, любовь и одиночество, слияние воедино и борьба, определённости, противоречие и переплавление, разрушение и возникновение. Эти переживания — краугольные камни, лежащие в основе каждой попытки изучения психологии мировоззрений [4, С. 7–8]².

II. Образ мира³

Поскольку душа существует в субъект-объектном расколе, психологическое наблюдение видит со стороны субъекта мироощущение, а со стороны объекта — мировоззрение. Описание мировоззрения означает определение видов, направлений и мест репрезентации предметов в целом. Цель состоит в том, чтобы выяснить, что само по себе является противоположностью психического. Мировоззрение — это не сфера существования, в отличие от мироощущения и психологических типов. Само по себе оно (мировоззрение) не психическое, а является предпосылкой и следствием

² К. Ясперс делает акцент на переживаниях, показывая их нефиксированность, постоянную изменчивость, незавершённость, становление и важность для того, чтобы оставаться живым в контрасте с застреванием в логических оппозициях, следованием заданным кем-то нормам, правилам, законам, которые лишь заключают человека в раковину.

Немецкое слово “das Gehause” имеет несколько вариантов перевода на русский язык. Мы в переводе используем понятие «раковина», потому что по ходу оригинального текста для иллюстрации метафоры относительно застывшего человеческого мировоззрения мыслитель использует сравнение с моллюском, заточённым в раковину. Помимо этого, в разных контекстах и словосочетаниях может переводиться как ‘жилище’, ‘корпус’, ‘кожух’, ‘футляр’, ‘скорлупа’. Этот набор синонимов достаточно наглядно передаёт общую идею, лежащую в основе изначального немецкого образа. Примечательно, что в экзистенциально-философской классической русской литературе мы сталкиваемся с образами «Человека в футляре» у Чехова; образом «норы» у Достоевского в романе «Братья Карамазовы»: «Ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдаляется, прячется и, что имеет, прячет и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает» [1, с. 312]. А.М. Ремизов рассуждал:

«— Что есть человек человеку?»

— Человек человеку бревно, стена — человек человеку подлец — человек человеку духу-тешиль.

— Человек в вечном круге хорового мира, вечная борьба человека с мировым хором за свой голос и действие» [3, с. 551].

А сегодня можно слышать, как говорят о тех, кто «в танке».

³ В этом разделе обсуждается феномен картины мира, или образа мира, ставится задача описания его типов, обсуждаются методы исследования, а также проблемы, сопряжённые с этой исследовательской задачей. Немецкое *Weltbild*, вынесенное в заглавие, в том числе может переводиться как ‘мировоззрение’.

душевного существования. Только при поглощении силами психологических типов они становятся элементами жизни. Я могу видеть все мировоззрения перед собой в виде образов, мыслить ими и в то же время существовать без них. Они есть просто содержание и лишь потенция с психологической точки зрения.

В интересах психологии мы намереваемся осуществить ёмкий обзор возможных типов мировоззрений. Мы пытаемся получить не частное, не энциклопедическое описание, а должны зафиксировать самые фундаментальные различия и принципы. В результате получится упрощённый и грубый план. Можно сомневаться в целесообразности такой попытки [4, S. 141].

Под мировоззрением мы понимаем всю совокупность объективного содержания, которым обладает человек. Мы видим человека как центр, так сказать, в периферии круга: с человеческой точки зрения, в установках ума мы видим функции, которые овладевают объективным, периферия — это мир объективного, в котором человек включён в субъектно-объектный раскол. Или мы можем назвать мировоззрение раковиной, в которую частично заключена душевная жизнь, способная (раковина) частично создавать себя из самой себя и размещать снаружи⁴.

Мы всё время живём в такой раковине. Мы невольно считаем крайний горизонт нашего мировоззрения абсолютным. Наше мировоззрение всегда некоторым образом воспринимается нами как нечто разумеющееся. И как бы мы ни признавали отдельные вещи относительными, в конце концов относимся к собственному мировоззрению как чему-то разумеющемуся, мы закрываемся в раковине, из которой не можем выбраться. Мы невольно накладываем ту часть мира, которая нам доступна в качестве мировоззрения, на всё целое. Мы действительно способны выходить за пределы нашего опытного мировоззрения и знания, но даже само наше знание делает нас непреодолимо предубеждёнными: мы не видим того, что лежит за его пределами, потому что мы даже не подозреваем о его (запредельного. — К.Г.) существовании [4, S. 141–142].

Что касается психологического наблюдения, при котором парадоксальное усилие всегда состоит в том, чтобы выйти из собственной раковины, дабы затем увидеть все прочие формы раковин как посторонние, важно подвергнуть сомнению каждую раковину, в которой мы живём, и не принимать её как должное, но предположить, наоборот, что это лишь одна возможная раковина среди других. Важно осмыслить индивидуальное мировоззрение как частный в своих чертах тип, максимально точно описать его свойства и возможности. Для этого необходимо не только интеллектуально освоить содержание раковины, которое поддаётся познанию внешними методами, но и в воображении поставить себя внутри мировоззренческой раковины, чтобы лучше её понять⁵.

---

⁴ Важным пониманием, которое пытается донести Ясперс, является степень тотальности раковины, её всеохватности.

Задача понимающей психологии мировоззрений состоит не только в том, чтобы абстрактно познать мир, в котором живут люди, но и прожить его через понимание, и она отнюдь не проста. Хочется изолировать и снова и снова выдвигать предположения из других мировоззренческих позиций и дополнять деталями идеальный тип. Очень поучительно визуализировать абсолютное индивидуальное мировоззрение. Поскольку на самом деле многие люди проживают теоретически известные нам виды мировоззрения лишь фрагментарно, мы стараемся представить себе эти фрагменты достаточно живо. Но мы всегда склонны невольно принимать собственное знание и мировоззрение как некоторым образом присутствующее и в другом человеке, считать, что наша раковина, которая так естественна для одного, настолько же естественна и для другого. Мы ошибаемся в обоих направлениях: когда ожидаем чего-то, чего нет, и не видим того, что есть, потому что мы невольно переносим своё мировоззрение на других [4, S. 142].

Если мы с психологической точки зрения рассматриваем картины мира в качестве раковин, у нас возникает представление о том, что картины мира также обладают субъективными свойствами, что они могут быть разными, и ни одной из них не нужно отдавать предпочтение. Если в человеке преобладает противопоставление правильного и неправильного, он распространяет этот психологический взгляд и считает неправильным или обманом всё остальное. Однако не всё так просто. Психологическое мышление здесь находится в напряжении: с одной стороны, каждое мировоззрение человека — это индивидуальная перспектива, индивидуальная раковина, которую можно обобщить в виде типа, но не как абсолютное всеобщее мировоззрение. С другой стороны, мы всегда подразумеваем идею абсолютного, универсального, всеобъемлющего мировоззрения или иерархически упорядоченной системы мировоззрений. С этой точки зрения, конкретное мировоззрение отдельного человека — это просто «угол зрения» по отношению к этому общему мировоззрению или просто фрагмент всего мировоззрения. Общий взгляд на мир противопоставляется разнообразным личным, местным, обусловленным временем, национально-характерным взглядам на мир. Поскольку мировоззрения являются объективированием, творением людей — они субъективны, но при условии, что с каждым таким актом творчества человек прорастает в развивающийся по собственным законам всеобщий мир, и при условии, что человеком немедленно овладевает то, что он создал, — любое мировоззрение является одновременно объективным [4, S. 143]⁶.

⁵ Важным в процессе осознания раковины и выхода на уровень экзистенциального наблюдателя немецкий мыслитель полагает метод психологического наблюдения и понимания.

⁶ Обсуждая последствия бессознательного принятия собственной раковины как единственной и предельной, важно быть осведомлённым о последствиях такого решения в первую очередь для собственной жизни. В то же время необходимо помнить про объективный горизонт развития и двойственную, субъективно-объективную природу мировоззрения.

III. Жизненный процесс⁷

Описание пограничных ситуаций показало нам положение человека как антиномичное. Такие ситуации могут сломить его, но он также может стяжать через них жизненную силу и опору. Крах и опора находятся в противопоставлении друг другу, не всегда как сознательное противопоставление, но они фактически противопоставлены друг другу в ткани самой жизни. Конкретные ситуации меняются, но формальные пограничные ситуации повторяются. Реакции бесконечно разнообразны, но по форме имеет место сходный жизненный процесс. Этот процесс почти всегда заканчивается кажущимся затишьем, например, как было описано, в состоянии высшего блага, в догматизированном антиномическом мировоззрении, в оптимизме или пессимизме и т.д.; отсюда возникают разнообразные формы психологических типов. Жизненный процесс, представленный в целом, даёт нам основную классификацию этих психологических типов. В описаниях реакций на отдельные пограничные ситуации то, что становится типом, было повторяющейся всеобщей чертой. А теперь давайте охарактеризуем его (жизненный процесс. — К.Г.) ещё раз. Однако не каждая характеристика является достаточно общей. Идея этого процесса может быть развита только исходя из представления о повторяющейся фигуре (гештальте. — К.Г.), когда наблюдение осуществляется при помощи различных средств.

Жизнь, увязанная с мировоззрением, разыгрывается в субъект-объектном расколе. Здесь обычно существует само собой разумеющееся единство между индивидом и раковиной, собранной из объективностей, если человек вообще не занимается рефлексией, а скорее воспринимает институты общества, этические императивы, распространяемые через обычаи, как естественную данность, абсолютно не подлежащую обсуждению, когда он вообще не задумывается, что возможно что-то иное, но живёт в них, как будто они есть часть него самого. Человек и раковина здесь настолько слиты, что мировоззрение как процесс, происходящий в отдельном человеке, теряет своеобразие. Рассмотрение мировоззрений такого рода возможно только с социо-психологической, а не с индивидуально-психологической точки зрения: так как в этой форме самоочевидной непосредственности могут проявляться самые разнообразные мировоззрения и быть сопоставлены друг с другом социально-психологически. Возможное рассмотрение становится психологическим в смысле индивидуальной психологии только тогда, когда сама раковина сознательно переживается как ситуация, как элемент ситуации и, таким образом, ставится под сомнение; от неё до индивидуального переживания обретения опоры, например религиозного переживания в обожествлённом мире, расширяется пространство психологического отдельной души.

Такое выражение сомнения возникает из осознания того, что возможны и другие формы (модусы. — К.Г.) жизни. Сознательное переживание

⁷ Карл Ясперс описывает, как в ходе разворачивания жизненного процесса в результате прохождения разных пограничных ситуаций формируются различные типы мировоззренческих раковин. А также этапы осознания раковины и изменение отношения к ней.

пограничных ситуаций, которые ранее были скрыты прочной раковиной объективно самоочевидных форм жизни, мировоззрений, верований, и движение безграничной рефлексии, диалектическое движение, запускает процесс, растворяющий раковину, до этого воспринимаемый как самоочевидный. Раньше раковина как таковая вообще не осознавалось, теперь становится более или менее ясно, что такое раковина, и она воспринимается как связь, ограничение или как нечто сомнительное, не могущее служить опорой. Только если этот процесс растворения раковины становится более массовым в обществе, возникает жизнь, которая может быть предметом психологии мировоззрений отдельного индивида. Теперь, помимо процессов дезинтеграции раковины, в индивидах обнаруживаются обломки раковины, которые по-прежнему активны в качестве обрывочных её фрагментов. Этот процесс растворения может привести к разрушению: раковины больше нет, человек больше не может жить, как и моллюск, панцирь которого удалён [4, S. 280–281]⁸.

О том, что человек живёт и не погибает, свидетельствует то, что в процессе растворения старой раковины он одновременно строит новую или готовится её построить. Такое движение жизни за пределы границ всегда каким-то образом задано, только в этом движении за пределы границ можно познать жизнь, процесс этого движения за пределы есть сама жизнь. Следовательно, в процессе жизни раковины растворяются только для того, чтобы создать новое пространство; и в конечном счёте это вопрос не разрушения раковины, а метаморфозы. Возникающие раковины могут выражать все формы проявления человеческой жизни: участие в построении мира, формирование реальной личности, воспроизводство и создание более актуальных знаний, произведений искусства и поэзии и, наконец, рациональной формы раковины: философского учения.

Это жизненный процесс, в котором твёрдые раковины растворяются, образуются новые, это изменение, которое одновременно является растворением и переплавкой, не является одноразовым событием, а постоянно

---

⁸ Здесь Ясперс ставит достаточно любопытный философский вопрос о том, возможна ли жизнь человека вне раковины или без неё. И показывает дальше, что без неё человек быть не может. Но может пребывать в непрерывном процессе её переплавки и пересотворения, что и называется жизнью. В ходе переплавки раковины происходит качественный переход сознания на новый уровень, сопровождающийся разрешением существовавших до этого внутренних противоречий. Иными словами, осуществляет спиралевидный рост и расширения сознания собственной экзистенции как она присутствует в мире. Интересно отметить, что в восточной инокультурной традиции, например в буддизме, указывается возможность на приобщение к тому, что называется чистым трансцендентным сознанием. К сознанию, которое находится за пределами любых объективируемых содержаний и целостно по своей природе. Западная же традиция, в силу её ориентации на научное объективирование, в том числе индивидуально-личностного содержания сознания, говорит из раковины, смотрит на раковину и описывает её же, не видя возможности выхода за пределы такого ограниченного субъективизма. Отличие также заключается в том, что Восток говорит про вертикально-спиралевидный вектор развития сознания человека, а Запад, в частности пример метафоры раковины, — о горизонтально направленном движении развития человека в мире.

обновляющейся формой живого существования. Пока мы смотрим на это с психологической точки зрения, мы видим только этот процесс, но ни его начало и ни его конец. Мы видим исторические и индивидуальные начала, доступные нашему восприятию, как очень сложные по содержанию структуры, мы не видим цели, которая объективно могла бы стать для нас целью. Это похоже на то, как мы воспринимаем участок неизвестного пути. Это может вызвать нашу философскую потребность в умозрительном вычислении, так сказать, кривой и целостности всего пути, исходя из формы и содержания пути, которые мы видим. Психологический взгляд не обязывает к этому, он только описывает видимое. В самом деле, это почти неизбежно вызывает скептицизм относительно того, в состоянии ли мы, находясь здесь, на крайней границе наших мировоззренческих представлений, выпрыгнуть из нашего существования, связанного с нашими психологически обусловленными формами, в сферу, которая не является психологически объективной. Но в то же время психологическое наблюдение развивает понимание того, что эти попытки прыжков есть именно явления жизненного процесса, которые создают новые раковины, всегда с осознанием того, что теперь-то они являются абсолютными, окончательными. Психологическое наблюдение знает, что мы можем жить только в раковинах, если мы в принципе хотим жить. Такое наблюдение видит силу жизни и, следовательно, самого необходимого в силе построения раковины. В том, кто перепрыгивает границы, установленные просто ради наблюдения, в этом действии, которое оно ставит под сомнение как окончательное, видится в то же время спасение жизни. Оно знает, что само легко может стать посредником в процессе растворения раковины, то есть необходимым фактором жизни, с тем, чтобы снова развёртываться, и, значит, сила переплавки, жертвами которой в конечном итоге становятся только ложные элементы раковины или уцелевшие окаменелости, а также бессильные, безжизненные люди, точно так же, как бактерии захватывают все трупы — но не живые тела. Можно признать, что она (переплавка) врождённая по своей сути и что служит развивающейся жизни, которой невозможно нанести ущерб: непосредственно учит, что такое жизнь, и не может причинить ей вред, своему собственному сознанию жизни, верна своей задаче.

Таким образом, жизненный процесс включает растворение и формирование раковины. Без растворения произошло бы затвердевание, без разрушения раковины. Однако растворение и раковина могут как бы оторваться от живого целого, и это запускает нигилистические процессы, с одной стороны, и окончательное обретение укрытия в раковине, с другой. То, что называют побудительными силами формирования мировоззрения, отчасти является силами, которые хотят избежать небытия и в то же время беспокойства, страдания живых. Имея прочные мировоззренческие раковины, человек ищет, например, избегания страдания со стороны пограничных ситуаций, он их маскирует от себя; он ищет покой вместо бесконечного движения; он хочет объективных разъяснений, основанных на рациональном, а не абсолютного объяснения всего действием жизненных

сил и их выбором. Таким образом, в дополнение к человеческому стремлению испытать бесконечную ответственность, живой рост и созидание, познать, что такое существование, и одновременно участвовать в его формировании, присутствует стремление к небытию и склонность оставаться в раковине [4, S. 281–283]⁹.

IV. Опора в ограниченном: в раковине

Процессам, которые ставят всё под вопрос, которые позволяют преодолеть всё как нечто конечное, противостоит наше стремление к стабильности (жесткости, фиксированности. — *К.Г.*) и спокойствию. Мы не выносим бесконечного безумия всех представлений, которые становятся относительными, всех форм существования, которые становятся сомнительными. У нас кружится голова, и мы теряем осознание своего существования. В нас есть стремление к чему-то, что должно быть окончательным и завершённым. Что-то должно быть «правильным»: образ жизни, мировоззрение, иерархия ценностей. Человек отказывается жить исходя только из задач и вопросов¹⁰. Он требует рецептов для своих действий, окончательных наставлений. Предполагается, что в какой-то момент процесс придёт к завершению: человек любит бытие, единство, законченность и спокойствие.

Опора (как остановка. — *К.Г.*) в ограничениях достигается за счёт следования принципам, догмам, доказуемости, традиционным установлениям, через абсолютные и в то же время общие требования. Такая опора становится объективной, заметной, подчиняется рациональной форме. Предлагается в форме того, чему можно научить и научиться. Живущий и нашедший опору в бесконечности человек находится в неустойчивом состоянии: настроенный на безусловное в своём собственном существе и во всём мире, без твёрдого владения этим безусловным, которое из-за его бесконечности не может быть захвачено и ограничено. Он живёт перед лицом Абсолюта, но отвергает всякое постоянное, окончательное владение этим Абсолютом, если только не находится в сугубо индивидуально-конкретном существовании. Потому что для него обладание как объективная постижимость Абсолюта может быть только чем-то мнимым и ведёт его к нежелательным привязанностям и механистичности. Напротив, раковина обеспечивает прочность и безопасность через нечто, в конце концов механически применимое в прямолинейных, артикулируемых принципах и частных императивах. Человек, существующий в раковине, как правило,

⁹ Ясперс рассуждает о растворении и формировании раковины, а также именно глубинной жизненной силе, направляющей эти процессы и саму человеческую потребность в изменениях и в то же время необходимости в чётко фиксированных границах.

¹⁰ Задач и вопросов, связанных с заглядыванием в неопределённое будущее, а также с сомнениями, не гарантирующими опоры, стабильности, однозначности.

отгорожен от пограничных ситуаций. Их ему заменяет фиксированная картина мира и ценностей. Таким образом избежав головокружения, он может, так сказать, поселиться в уютном жилище.

Формы ограниченности либо непосредственны, самоочевидны, наивны; как таковые они являются элементом всей жизни, содержащимися в каждом психологическом типе; нигилистические процессы, пронизывающие всё ограниченное, являются здесь источником отчаяния и, следовательно, источником новой жизни. Либо формы ограниченности более или менее умышленно выбраны отступленческим (нем. *rückschreitend* — ‘шагающим в обратном направлении’, ‘ретроградным’. — *К.Г.*) образом; человек сознательно вернулся в раковину из пучины нигилизма; нигилизм, будучи в первом случае плодотворным кризисом, здесь будет уничтожением, его опасность сохраняется, как и всего ограниченного, постоянно в фоне, но в случае его победы после сознательного возвращения в раковину здесь уже ничего не останется, нет больше жизненной силы. Живя в этих выбранных, не самостоятельно взращенных раковинах, человек больше не размышляет о них, но инстинктивно испытывает страх перед рефлексией. Раковина является для него чем-то само собой разумеющимся, абсолютным, но не с позиции наивного, живого отношения. Таким образом, безусловность ограниченного во всём — в отличие от наивной жизни в ограниченной раковине, где присутствуют возможности и свобода конкретных проявлений живости, — будет насильственной, сознательной, принципиальной, абстрактной, фанатичной. Итак, раковины либо растут, формируются, а значит, живы, либо они завершены, просто выбраны, а значит, подобны автомату и мертвы.

Общим для всех раковин является то, что в рациональных формах человек сталкивается с чем-то общезначимым, с чем-то необходимым и упорядоченным, правилом, законом как обязанностью, предписанием, долженствованием. Рационализм обычно присущ всем раковинам. Этот неоднозначный термин (рационализм. — *К.Г.*) требует анализа [4, S. 304–305].

V. Философские учения¹¹

Высокодифференцированные уровни объективации мировоззрения в рациональной форме мы обнаруживаем в исходных философских системах. В отличие от фрагментарного, индивидуального мнения, здесь мы видим «органическую взаимосвязь». Именно когда мы проникаем глубже, мы

¹¹ Одна из линий размышлений К. Ясперса связана с осмыслением ограниченности любой логически стройной теоретической системы. Аргумент против заключается в том, что жизнь и существование шире умозрительных построений. Такую аргументацию находим у всех экзистенциалистов. Не случайно данное философское направление так широко представлено в литературном стиле, где отсутствует требование системности изложения. Также здесь проводится демаркация между интеллектуально осмысленным и конкретно прожитым мировоззрением.

чувствуем и узнаём, что каждая система является лишь фрагментарным осуществлением, искажённой объективизацией «истинного». На самой поверхности в системе расположены рациональные связи; за ними — если речь идёт о настоящей философии, а не о пустой мыслительной деятельности — «идеи», «истинные» силы, с одной стороны, психологические мотивационные взаимосвязи разнородных видов, такие как, например, влияние конкретных условий существования, потребности в пояснении и т.д., с другой стороны. Однако эти системы посредством рационального обладают свойствами и влиянием, присущими раковине, которое, даже если является относительно поверхностным по отношению к жизненным силам, в то же время существенно, в нём автономные структуры рационального, в частности закон противоречия и требование последовательности, развёртываются в единстве с психологическими склонностями и изначальными взглядами, конфликтующими с жизненной силой.

В силу своей рациональности, возникновение философий с древних времён связано с притязаниями на научность: философские системы стремятся к общему обоснованному пониманию, которое должно быть опорой в действии, руководством для принятия решений в ситуациях «или-или». Такие философии одновременно дают универсальные мировоззрения, систему теорий о жизни, перечни ценностей, требований и императивов. Жизненные силы и воля к честности постоянно разрушают эти целостности, в которых обманчивое переплетение практических позиций и научных взглядов даёт опору, но уводит от ответственного существования. Стремление к раковине и опоре всегда приводит к ним; они снова возникают в новой форме.

Философские учения не совпадают с существованием человека. Интеллектуальное и реально прожитое мировоззрение находятся в разных отношениях друг с другом. Существующее имеет отношение к учению, но не к самосознанию. Мировоззренческое учение — это модель, нереализованный идеал или выражение отдельных аспектов существования, это средство и маска или же содержание чисто интеллектуального, чисто созерцательного удовольствия. Оно может выступать и как наимогущественнейший стимул, и как неэффективное снотворное средство (нем. Ruhekitzen, 'подушка подголовника'. — К.Г.). Они могут быть попыткой изобразить свою жизнь, осознанием содержания того, что в ней имеется; но этим самым жизнь уже становится другая. Свобода и нереальность чисто интеллектуального позволяют человеку интеллектуально пройти через множество точек зрения, в каждом случае заявить как свою собственную и впоследствии объяснить, как он «преодолеет» их; и этот человек тем не менее фактически остаётся в той же мировоззренческой сфере, например, эпикурейского наслаждения. Бесконечность чисто рационального и безобидных озарений резко сопоставляется с соответствующей ограниченностью существования, действия, переживания, чувства и становления.

Приближение существования к бесконечной интеллектуальности есть задача на благо абсолютизированной эстетической позиции. Однако в живом существовании, в случае если рациональное однажды возникло, рационализация непосредственного является страстным влечением. В то время как один стремится к раковине как укрытию от внешнего в рациональном, другой стремится осознать своё существование; если первый наконец-то чувствует себя комфортно в закрытой раковине, то второй переживает столкновения и пограничные ситуации именно через рациональное. Последовательное развитие принципов порождает столкновения с новым опытом и в конечном счёте ведёт к самоуничтожению рационального, что порождает новые силы и принципы. Поэтому жизнь реагирует на «последствия» рационализма, которые кажутся ей мёртвыми и бесплодными, не уклоняясь от этих последствий, но ещё большими, ещё более полными, более отчаянными последствиями. Разнообразие учений, превращающих жизнь в абстрактное, созерцательное, эстетическое, не годится для жизни, но это как раз то крайнее следствие, при котором рациональное снова ставит себя под сомнение. Живое философствование Канта требует: «Величайшая обязанность философа — быть последовательным»¹². Только так, через столкновение, становится заметна ограниченность предполагаемых принципов, в то время как «целостная (объединённая как собранная из отдельных частей. — К.Г.) система», в форме чистого рационализма, загораживает границы и не допускает столкновений в обмен на легкодоступное спокойствие и обманчивую самоуверенность. Чем более последовательна рациональная работа по объективации мировоззренческих сил, тем больше в конечном итоге будет ощущаться столкновение с исходной силой, из которой затем в критические моменты душевного существования возникают новые комбинации и новые творения. Философские учения как возможные раковины присутствуют во множестве вариаций, поскольку они анализируются историей философии. Несмотря на всю автономию рационального, они никогда не бывают просто рациональными концепциями. Рациональное — это как бы скелет этих структур; их жизнь заключена в силах, которые нужно искать за рациональным. Логический анализ охватывает только кости, психологический хочет видеть мышцы, посредством которых всё имеет связь, движение и жизнь. Это возможно только с позиции причинно-следственных связей, тогда как здесь разрабатываются лишь всеобщие точки зрения [4, S. 311–313].

¹² Цит. сверена по: [2, с. 338].

VI. Частные виды раковины¹³

Раковины с точки зрения жизни — не просто в каждом случае являются тупиком. Действительно, мы противопоставляем полярности наивной, непрерывно пребывающей в процессе переплавления раковины раковине мёртвой. Но жизненный процесс делает неизбежным то, что человек также пребывает в раковинах, которые он признаёт таковыми. Как обычно, безусловное во всей жизненности предъявляет жёсткое требование: или-или; но в то же время инстинкты высказываются, не отвергая этого или-или, напротив, желая его осуществить супротивно насильственности теоретического знания. В отдельных случаях кокон внезапно сбрасывается, и в мгновение ока бабочка вылетает из куколки; в других случаях куколка раскрыта, из неё виден выход, но бабочка спокойно ждёт, пока любящая жизнь сама по себе и без насилия даст исчезнуть последним остаткам прежней раковины (жилища, оболочки, кокона. — *К.Г.*). В частности, в живых существах подлинность и правдивость противятся всему, что в действительности не созрело, всему негативному, допускают всё отрицательное только как неизбежное, но не допускают по отношению к душе жёстких последствий положительного роста. Фундамент (нем. *die Gerüste*, 'каркас', букв. 'строительные леса'. — *К.Г.*), на котором мы выросли, каким-то образом встроен в нас, и живые существа никогда не относятся к нему пренебрежительно [4, S. 325].

VII. Дух между хаосом и формой

Когда Ницше воспринимается — что в корне ошибочно — в качестве нигилиста и проповедника хаотичного, а католическая церковь видится авторитарной, как некое универсальное построение, дающее поддержку, смысл и форму всей жизни, то, вероятно, человек приходит к такому убеждению: в конце концов, необходимо выбирать между Ницше и католической церковью. Этот выбор одного из двух («или-или») может быть правильным и свойственным по характеру многим людям, однако такая ситуация выбора «или-или» в целом неверна для людей. Между нигилизмом и раковиной, между хаосом и формой существует жизнь вне целого бесконечного, которая не является компромиссной, половинчатой или иллюзорной. Задача заключается в том, чтобы указать на это.

Форма — это всё ограниченное в противоположность бесконечному, всё что определено, всё подобное раковине, в отличие от вещественного,

---

¹³ В данном разделе книги обсуждаются два возможных подхода к раковине: через борьбу с ограничениями, которая свойственна всему живому, и через выжидательную позицию по отношению к ней.

материального, хаотичного, всё фиксированное (постоянное) в противоположность текучему (переменчивому) [4, S. 348]¹⁴.

1. Мировоззрение в реальности разворачивается настолько широко, насколько это возможно, исходя из рационально заложенных в него принципов, не обращая особого внимания на запреты, сдвиги и преобразования, которые инициирует реальность. Это как если бы жизнь хотела сначала закончить строительство раковины (жилища. — *К.Г.*), чтобы иметь раковину (жилище. — *К.Г.*) и, следовательно, возможность существования. В потоке бесконечности люди строят и видят только то, что их устраивает, игнорируя другое, считая его незначительным и несущественным [4, S. 351].

2. Наблюдение запретов и изменений, которые изначально рассматриваются как случайные и неизбежные, приводит, чем более многогранно развёртывается мировоззрение, к пониманию: что его (наблюдение. — *К.Г.*) невозможно осуществлять прямым и последовательным образом. И так происходит разделение: некоторые видят обрётённую раковину в её конечности, а запреты — как индивидуально конечные (они сохраняют то, что является абсолютно ценным, своё мировоззрение, становясь жёстко последовательными в своих убеждениях и посредством этой жёсткости добиваясь укрепления запретов, а также последовательными в убеждении, что в противном случае гибель лучше компромисса; или они пойдут на компромисс, сохраняя убеждение, что погибнут каким-то другим образом, но медленно и опосредованно с течением времени — часто обращаясь к крылатой фразе бесконечного пути и часто веря в возможность окончательно воплотить в реальность чистое, бескомпромиссное мировоззрение). Благодаря этому опыту, после долгой борьбы, иные попадают в кризис, который приводит их в отчаяние и в состояние новых созидательных начинаний. Прежнее мировоззрение «преодолено», не разрушено, а «отменено»: отрицается и частично сохраняется. И теперь начинается процесс развития новых сил в реальности, которая теперь смотрит на себя совершенно иначе; и новые раковины с новыми отправными точками возникают согласно собственному порядку [4, S. 351–352].

Хотя, по сути, это всегда одна и та же бесконечная жизненная сила, которая проявляет себя во всех видах раковины, так, ретроспективно, после того, как произошло живое развитие этих оформившихся раковин, — подобно отделению раковины моллюска или шкуры змеи — они предстают наблюдению в их объективном виде. Наблюдение будет стремиться обнаружить логическое следствие внутри этой отдельной структуры и, таким образом, добиваться конструкции, основанной на принципах. Но эта конструкция достигает своего предела в самих принципах, а затем в развёртывании следствий в реальном мире. На этих границах наблюдатель видит

¹⁴ Этот же раздел содержит размышления о возможных вариантах отношения людей к собственной раковине и последствиях пребывания в раковине как таковой. В том числе это касается антиномического синтеза как результата переплавки раковины.

логически непонятный, частично психологический, но никогда полностью не понятный поворот принципов, который на самом деле означает движение живого мировоззрения. Соответствующие принципы — это рационально сформированное выражение силы, которая сама по себе шире, поскольку она может развиваться, разворачиваться и совершать прыжок в кризисную ситуацию. Следуя принципу, мы можем логически ясно представить перед собой всю соответствующую раковину. <...> Философ, который считает своей работой расширять раковину — которую он затем неизбежно видит как единственную — создавать учение, в котором люди узнают себя, потому что то, что они все проживают, упорядочено и рационально изложено, данный философ преследует принцип последовательности как высший принцип. Однако философ, который просто переживает кризисы и отчаяние, крушение раковины, в которой живёт каждый, и не воспринимает логическое следствие как нечто основное, если только не совершит скачок в новый мир, скорее становится иррационалистом, критиком, вопрошающим, а затем внезапно пророком. Он действует не столько через своё учение, посредством которого первый философ даёт целым поколениям их рациональные формы, сколько через своё существование. Первый даёт покой, уверенность и полноту существования, последний — источник возмущения, тот, кто сомневается, может вызвать доверие только фактом своего существования. Первый всё внимание обращает на содержание своего творчества, последний, нравится это или нет, — на свою личность.

Мы называем результат процесса переплавки раковины антиномическим синтезом, поскольку при рассмотрении фактически возникшей раковины (за которую мы, по сути, никогда не выйдем) и будучи последующей раковинной по отношению к предыдущей, она представляет собой целостность, в которой разрешены противоречия, до переплавки действующие в прежнем мировоззрении. Это не формально-логический синтез, который является компромиссом, а психологический синтез, который находит новое выражение для принципов, и это выражение исходит из новой силы и в то же время укрепляет эти принципы и больше не допускает прежних противоречий, но вскоре возникают новые. Антиномии остаются, и можно говорить, что они доказали свою силу качественно нового творения только тогда, когда действуют как стимул для души. По сути, никакие антиномии не разрешаются, а только признаются на новом уровне. Продолжают лишь создаваться всё новые и новые раковины.

Человек со всей внимательностью и серьёзностью относится и воспринимает свою раковину как нечто не подлежащее сомнению, лишь к работе над её развитием и над границами, после её полной проработки в реальности, после истощения этого творческого импульса, и переживает ужасные кризисы, которые ведут к возникновению новых импульсов. <...> Мы не можем рационально постичь это следствие антиномического синтеза, эту видимую работы силы живого духа, но можем увидеть его

(следствие) только при условии привлечения рациональных средств в критических точках перехода духовного процесса. Противоположностью этому следствию духовного процесса является хаос случайных, постоянно новых действий и ощущений без взаимосвязи, возникающих в результате наслаждения и исходя из мгновения. С другой стороны, антиномическое следствие имеет свойство прорабатывать каждую раковину до предела, делать её своей собственной и всегда работать в пределах одной раковины по восходящей линии творения. В хаосе есть повторение, возврат, в случае же с антиномическим следствием есть только предельное и преодолеваемое, а всё присутствующее в текущий момент — безусловно [4, S. 353–354].

Список литературы

1. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2013. 800 с.
2. *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 311–501.
3. *Ремизов А.М.* Алексей Ремизов о себе // *Ремизов А.М.* Избранное. Л.: Лениздат, 1991. С. 547–552.
4. *Jaspers K.* Psychologie der Weltanschauungen. Berlin, Heidelberg: Springer, 1960. 486 p.

TRANSLATIONS OF CLASSIC PHILOSOPHICAL WORKS

Karl JASPERS (1883–1969),

German existentialist philosopher.

Translation and comments by:

Kirill GOLIKOV

Post-graduate Student at the Department of History of Anthropological Doctrines,
RAS Institute of Philosophy,
12 Gonchamaya St., bldg. 1, Moscow, 109240, Russian Federation
e-mail: golikovk@gmail.com

PSYCHOLOGY OF WORLDVIEWS (SELECTIVE TRANSLATION)

The paper presents an author's translation of fragments of previously unpublished in Russian "Psychology of Worldviews" by the German philosopher Karl Jaspers. The excerpts have been chosen to illustrate the basic considerations of the philosopher and psychiatrist regarding the metaphor of the shell introduced to describe a rigid worldview standpoint that people take to obtain support and shelter from the vulnerability and the uncertainty of environment, while, at the same time, paying for the seeming stability and certainty with the loss of their vitality and intensity of experiencing their own life. As Jaspers highlights, the shell is antinomic in its nature, and the inner contradictions related to the antinomies are resolved at the psychological level of existence, when the shell is melted and moulded into a new form, rather than at the level of formal logic, involving the reason. The author also supplies the translation with some comments and his own considerations on the topic.

Keywords: existentialism, Karl Jaspers, personal world, worldview, metaphor of the shell, existential witness, openness of human nature, psychological observation, nihilism, rational

References

1. Dostoevsky, F.M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow: Eksmo Publ., 2013. 800 pp. (In Russian)

2. Jaspers, K. *Psychologie der Weltanschauungen*. Berlin, Heidelberg: Springer, 1960. 486 S.
3. Kant, I. “Kritika prakticheskogo razuma” [Critique of Practical Reason], in: I. Kant, *Sochineniya* [Writings], Vol. 4, part 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1965, pp. 311–501. (In Russian)
4. Remizov, A.M. “Aleksi Remizov o sebe” [Aleksey Remizov about himself], in: A.M. Remizov, *Selected works*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1991, pp. 547–552. (In Russian)